

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / HISTORY OF RUSSIAN LITERATURE

Г.В. Ситникова, О.Н. Руднева
G.V. Sitnikova, O.N. Rudneva

**«ПОКИДАЮ МЕСТА ПЕТРОВЫ И ПУСКАЮСЬ В СТРАНУ
ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЫ, – ЗДЕСЬ ПОБЕДЫ, ТАМ ПРЕМУДРОСТЬ»:
КРЫМСКИЙ СУДЬЯ П.И. СУМАРОКОВ О ВТОРОМ
ПУТЕШЕСТВИИ В ТАВРИДУ (ОТ СЛОВА К «ЖЕСТУ»)**

**"I LEAVE PETER'S PLACE AND GO TO CATHERINE THE GREAT'S
COUNTRY – HERE ARE VICTORIES, THERE IS WISDOM": CRIMEAN
JUDGE P. SUMAROKOV ON HIS SECOND JOURNEY TO TAVRIDA
(FROM WORD TO "GESTURE")**

Статья посвящена произведению П.И. Сумарокова «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», опубликованному в Санкт-Петербурге в 1803–1805 гг. В нем писатель проявляет себя не только в качестве мемуариста, как это было в его первой книге, рассказывающей о посещении Крыма, но и как государственный чиновник, призванный проанализировать положение дел на «внутреннем Востоке» страны и предложить собственные идеи преобразования новообретенной Россией территории. П.И. Сумароков соединяет в травелогге черты созерцателя-путешественника и гражданина, губернского судьи, не только словом, но и делом подкрепляющего свои наблюдения и выводы. Его мировоззрение претерпевает изменения. «Сентиментальный путешественник», продолжатель традиций Л. Стерна и Н.М. Карамзина, «примеряет» новую государственную роль, проявляя себя подлинным знатоком различных областей человеческой жизнедеятельности. Это уже не просто созерцатель, наблюдатель, а российский чиновник, имеющий четкое понимание важности освоения Крыма, предметно рассуждающий о проблемах и перспективах развития Тавриды, сформулировавший ряд положений по реализации планов преобразования полуострова. От слова – к «жесту» в широком смысле этого понятия переходит автор произведения, демонстрирующему не только эволюцию его мировоззрения, но и динамику развития русского сентиментализма, характеризующегося целым рядом специфических особенностей. Не только идея экономического прогресса задает координаты индивидуального мироощущения писателя, но и мысль о нравственном совершенствовании человека.

Ключевые слова: «колонизирующий» тип сознания, разнообразие этнокультурного облика, полиэтничность, слово писателя-сентименталиста и «жест» государственного чиновника, гражданская позиция, рационализм и дидактизм русского сентиментализма, историческое сознание.

The article is devoted to P. Sumarokov's work "Leisure of Crimean judge, or Second journey to Tavrida", published in St. Petersburg in 1803–1805. The writer appears not only as a memoirist, as was the case in his first book, telling about his visit to Crimea, but also as a government official called upon to analyse the state of affairs in the "inner East" of the country and to offer his own ideas for transforming the territory newly acquired by Russia. In his travelogue, P. Sumarokov combines the features of a contemplative traveller and a citizen, a provincial judge, who not only supports his observations and conclusions with words but also with deeds. His worldview undergoes changes. The 'Sentimental traveller', a continuer of L. Sterne's and N. Karamzin's traditions, 'tries on' a new governmental role, showing himself a true expert in various areas of human life. He is no longer just a contemplator, an observer, but a Russian official who has a clear understanding of the importance exploring Crimea, who discusses the problems and prospects of Taurida development, who has formulated a number of theses on how to implement the plans for the transformation of the peninsula. The author of the work moves from the word to the "gesture" in the broad sense of this concept, demonstrating not only the evolution of his worldview, but also the dynamics of the development of Russian sentimentalism, characterized by a number of specific features. Not only the idea of economic progress sets the coordinates of the writer's individual worldview, but also the idea of moral perfection of man.

Key words: "colonizing" type of consciousness, diversity of ethnocultural appearance, polyethnicity, the word of a sentimentalist writer and the "gesture" of a government official, civic position, rationalism and didacticism of Russian sentimentalism, historical consciousness.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-62-3-94-99

В 1802–1803 гг. русский литератор, сенатор Павел Иванович Сумароков, уже известный своими путевыми заметками, изданными в 1800 г. в Москве, посетил Крым вторично, уже в новом статусе, который он обозначил в названии двухтомного труда, опубликованного в Санкт-Петербурге, – «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду». К своему назначению П.И. Сумароков отнесся ответственно и добросовестно. На сей раз в Крым отправлялся не sentimentalный путешественник, умиляющийся красотами полуострова, его экзотическими пейзажами, а губернский судья, в частный, а государственный человек, предложивший ряд идей, связанных с экономическим обустройством новой территории и охраной ее полиэтнического культурного наследия. Как отмечает Т.М. Фадеева в предисловии к «Досугам крымского судьи...», «это заметно отличает оба его "путешествия" от более поздних travelогов о благоустроенном Крыме с его дворцами и парками. Писатель застал здесь почти нетронутую аборигенную культуру, дал яркое описание экзотических нравов и обычаев» [3, 2].

П.И. Сумароков выезжал из Санкт-Петербурга, города Петра I, символизирующего европейскую ориентацию России, в «страну великой Екатерины» [2, 15], на так называемый «внутренний Восток». Следует сразу же обратить внимание на то, что Петра писатель не называет «великим», хотя несколько не умаляет его роли в истории России, к Екатерине же он относится с особым пиететом, видя ее государственную мудрость в присоединении к стране восточных (южных) территорий. Исследовательница О.А. Фарафонова в статье «Ориентальный travelог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи или Второе путешествие в Тавриду»)» отмечает: «<...> если внутренний Запад – это четко обозначенная точка отсчета всех маршрутов русских путешественников, то внутренний Восток более разнообразен. Сюда по большому счету относятся все провинции империи» [4, 71].

Холодный каменный Петербург, символизирующий великие победы росссов, писатель сопоставляет с «мирной Тавридой», теплой, располагающей к себе, что не мешает П.И. Сумароков осмысливать столицу как исконную обитель русского человека,

гражданина, обладающего преимущественно западным сознанием. Однако как государственный назначенец П.И. Сумароков прекрасно осознает необходимость расширения российской территории на Восток. П.В. Алексеев обосновывает такую позицию писателя «колонизирующим» [1, 3] типом его сознания, характерного для менталитета больших народов. П.И. Сумароков представляет свою государственную роль следующим образом: «Я судья! Но какой, по чести или по форме? Самопристрастие ручается за первое, а истина говорит: "Нет, еще посмотрим" <...> я ужасался, сколь священно таковое знание, которое вводит тебя в союз с твоим Монархом, с его народом и вручает тебе закон к посредничеству между ними» [2, 117].

Если в первой книге путевых заметок П.И. Сумароков в большей степени проявляет себя как частный человек, путешественник, впервые наслаждающийся красотами Крымского полуострова, восторгающийся ими и выражающий этот восторг в стилистике традиционного европейского сентиментализма, то во второй анализируемой нами книге он позиционирует себя как государственное лицо, в связи с чем можно говорить о явной динамике его мировосприятия, проявляющейся не только в словообразах, но и «жестах», понимаемых как некий практический опыт, как преодоление абстрактной теории сентиментального созерцателя. П.И. Сумароков осознает важность отведенной ему роли в том локусе, который при всей своей привлекательности остается для государственного мужа новым и не всегда понятным пространством, подлежащим освоению, изучению и тщательному исследованию с учетом разнообразия этнокультурного облика этой территории, ее полиэтничности и полиментальности.

В первой книге «Путешествие по Крыму и Бессарабии в 1799-м году; с историческим и топографическим описанием всех тех мест» повествователь в большей степени делится с читателями новыми впечатлениями, «впитанными» при посещении им полуострова. Он любит экзотическую природу, своеобразную архитектуру Тавриды, особым укладом жизни разных народов, населяющих Крым, вслушивается в их наречия. Во второй книге судья проявляет себя как человек «колонизирующего» сознания, мыслящий государственными масштабами, размышляющий о том, как целесообразнее использовать на благо страны обретенную Россией территорию. Так, например, проезжая вдоль берега соленого озера, рядом с которым нет никакой растительности или родника, П.И. Сумароков замечает, что соль – это «богатство, не требующее ни иждивений, ни присмотра» [2, 104]. Повествователь рассуждает как истинный служитель российского государства, равнодушный к судьбе родины. Меняется сама интонация его повествования. Уже не умиление и восторг характеризуют авторский пафос, а замечания практического свойства, достаточно скупые и рациональные: «Здесь сады возрастают к посмешищу и унижению наших» [2, 113]. В западной части России (под западом в данном случае понимается и север) необходимо затратить немало сил, чтобы получить нечто подобное. Здесь же можно полагаться на климатические условия, саму природу, которая к тому же позволяет любоваться собой. Таким образом, мы видим, что автор отвлекается от своей государственной должности и «вспоминает» о себе как о писателе сентименталистской ориентации. Однако чаще восторженные размышления о Крыме как «обетованном крае», населенном разными народами со своими традициями и обычаями, уступают место наблюдениям «хозяйственника», делающего статистические подсчеты, рассуждающего о том, какие народы, населяющие полуостров, следовало бы переселить поближе к морю (греки, армяне), а какие оставить в глубине Тавриды (татары). При такой «рокировке», заявляет крымский судья, «лень заменится трудолюбием, торговля с садоводством получат превосходство» [2, 137]. Осмысление себя как государственной личности, саморефлексия в сочетании с национально-патриотическим настроением, освоение «чужого» опыта, попытка постижения иной ментальности способствует формированию у П.И. Сумарокова того, что, на наш взгляд, может быть названо «историческим сознанием». Автор тщательно перечисляет национальности жителей полуострова – русские, татары, армяне, немцы, молдаване, греки, евреи – указывает их численный состав, разделяя лиц мужского и

женского пола. Он делает это со свойственной ему скрупулезностью и вниманием. Писатель не сомневается в том, что необходимо использовать во благо людей имеющиеся на Крымском полуострове полезные ископаемые, имеющие целебные свойства – грязи и минеральные воды. Так, испробовав на себе действие сакской грязи, П.И. Сумароков замечает: «<...> озеро Сак близ деревни сего же имени, которое достойно того, чтобы о нем сообщать, имеет чудесное действие подавать скорое исцеление от многих болезней» [2, 124]. Сакскому методу лечения минеральной грязью путешественник посвящает четыре страницы своей книги. Позднее Таврическое земство, понимая лечебную ценность Сакского соленого озера, пригласит к себе французского химика Феликса де Серра, который исследует состав целебного ила, а инспектор губернской Врачебной управы доктор Э. Ланге опишет свойства грязи и даст рекомендации по ее использованию. Так будет основан Сакский курорт, внимание на лечебный ил которого впервые обратил внимание и опробовал на себе П.И. Сумарков.

Посещая различные приморские города, П.И. Сумароков размышляет о крымской торговле, подчеркивая, что она шла бы гораздо лучше, если бы крымчане были более трудолюбивыми: «Нерадивость крымцев вредит целому их обществу» [2, 131]. Удивляет путешественника нежелание местных жителей наклониться за рассыпанным у их ног бисером – обитатели столь благодатной земли не могут обеспечить себя необходимыми товарами – маслом, пшеницей, тканями, посудой. Однако такое положение вещей он объясняет недостаточным количеством людей, способных обрабатывать землю, отсутствием греков и армян, которых П.И. Сумароков противопоставляет крымским татарам. Впрочем, неверно было бы обвинять писателя в нетолерантности. Он не проявляет надменности в отношении к жителям полуострова, не ведет себя с превосходством цивилизованного европейца. П.И. Сумароков вполне доброжелателен: «Сколько стран, столько и обыкновений. Тот ходит в полукафтаны, а этот в душегрейке; сей носит чалму, другой под круглой шляпой щеголяет; один гладит бороду и в руки смотрит будто в книгу, тот плещет на огонь вино, иной в иступлении кричит во всю мочь, а сей кивает головою. Но всякий из них житель мира, всякий имеет едино право на природу; все они братья, для всех блещат Солнце, Планеты и Луна» [2, 107]. Однако как государственное лицо писатель не может не указать на некоторые недостатки отдельных народов, на их не совсем понятный жителю центральной России менталитет. Так, с сожалением повествователь отмечает, что крымчане пренебрежительно относятся к дарам крымской земли. Они не занимаются селекцией, не заботятся о скоте, не удобряют свои поля. На территории Крыма нет мельниц, фабрик. Местные жители готовы покупать привезенную из Турции старую одежду (возможно, зараженную инфекционными болезнями) и предметы обихода: «Нерадивость Крымцев вредит целому их обществу» [2, 131]; «крымская торговля соделалась бы гораздо сего знаменитее, когда бы увеличилось число трудолюбивых жителей» [2, 131].

Осматривая порты в Керчи и Ахтияре, П.И. Сумароков делает вывод о том, что они должны быть максимально использованы и расширены, так как имеют удобные гавани, хорошее географическое положение, поэтому зарубежные суда могли бы заходить в них чаще одного раза в год. Соответственно, оба города получали бы существенную выгоду от торговых операций, а при обнаружении какой-либо болезни их было бы проще перекрыть, чтобы остановить распространение инфекции.

П.И. Сумароков осознает, что крымский край, в котором растет прекрасный виноград (более 50-ти сортов), должен стать лидером по производству вина. В то время, когда писатель находится на полуострове, знания по виноделию у местных жителей отсутствуют, что представляется ему недопустимым. Он убежден, что, кроме вина и так называемой «французской водки» (прообраза коньяка), Крым может поставлять в Империю изюм, миндаль, оливковое масло, оливки, анчоусы и многое другое.

Предлагает «крымский судья» и план развития в Тавриде шелководства. Хозяйственный ум П.И. Сумарокова не может смириться с тем, что данные Богом Крыму земли, недра не используются по назначению. Столь богатый край неразвит, неосвоен,

непросвещен. Необходимо ускорить его динамичное развитие, переместив на побережье те народы, которые более трудолюбивы и трудоспособны. У них должны быть определенные привилегии, льготы, тогда не придется переселять в Крым жителей иных российских губерний. На этом моменте чиновник акцентирует особое внимание, осознавая, что Россия не имеет права потерять столь благодатный край, поэтому необходимо сделать все, чтобы его жители были максимально заинтересованы в развитии полуострова.

Посещает П.И. Сумароков и Севастополь – европейский «оазис» среди мусульманского мира, воинский город, в котором располагается Черноморский флот. Порядок, вежливость, благопристойность – вот то, что отличает нравы севастопольцев от нравов аборигенных крымчан. Таким, по мысли писателя, должен стать весь Крым. Не только идея экономического прогресса задает координаты индивидуального мироощущения писателя, но и мысль о нравственном совершенстве человека.

Во второй части «Досугов крымского судьи...» П.И. Сумарков уделяет пристальное внимание сельскому хозяйству, сетуя на то, что «леностные крымцы» [2, 10] не хотят проливать пот на ниве. Они начинают работать не ранним утром, когда солнце еще не вошло в зенит, а в разгар дня, покидают свои наделы не поздним вечером, а гораздо раньше. Писатель внимательно наблюдает за пахотой, уборкой хлеба, по поводу которых высказывает ряд критических замечаний, например, «комья земли не разбивают» [2, 11], «в соломе остается много зерен» [2, 11], что, по его мнению, весьма неэкономично, нерационально. Становится понятно, что, принимая свое государственное назначение, П.И. Сумароков тщательно подготовился к тому, чтобы хорошо ориентироваться в разных сферах деятельности, особенно в земледелии, сельском хозяйстве, плодоовощеводстве. Его мировосприятие становится совершенно другим и, возможно, именно с такой динамикой связан новый авторский пафос в «Досугах крымского судьи...», который О.А. Фарафонова соотносит с классицистическим искусством, утверждающим приоритет общего над частным, гражданского над личным. Соглашаясь с выводом исследовательницы о недискретности, целостности повествовательной структуры травелога, мы все же не пытаемся объяснить позицию писателя опорой на классицизм, который к началу XIX столетия во многом себя изжил. «Сентиментальный путешественник» «примеряет» на себя новую государственную роль, к которой тщательно готовился, и, оставаясь писателем-сентименталистом, вступающим в диалог с читателем, опирающимся на традиции Л. Стерна и Н.М. Карамзина, нередко проявляет себя как подлинный знаток других областей человеческой жизнедеятельности. Его нельзя назвать поверхностным теоретиком, он явно практик, не только наблюдатель, но и активный участник тех процессов, которые происходят в Крыму при его освоении. П.И. Сумароков – чиновник, и эта роль соответствует ему не меньше, чем роль писателя-сентименталиста, а, возможно, и больше, не случайно он многократно подчеркивает свое отличие от Л. Стерна. Его «досуги» на самом деле вовсе не «досуги». Он едет не развлекаться, не просто путешествует, но подмечает все то, что и должен заметить государев человек, наделенный высоким званием не по форме, а по сути.

П.И. Сумароков пересказывает свой диалог с известным домостроителем и садоводом г-ном Гохфельдом и задается вопросом, почему обилие плодовых деревьев, произрастающих в Крыму, не способствует обогащению хозяев такого рода плантаций. Ответ прост – сады не получают должного ухода, в частности окапывания, обработки от вредителей и обильного полива. Это не значит, что в Крыму нет запасов воды. По мысли П.И. Сумарокова, ее использование должно быть разумно упорядочено.

Особенностью русского сентиментализма являются не только просветительские и рационалистические тенденции, но и четкие нравоучительные установки, что можно видеть в «Досугах крымского судьи...». Так П.И. Сумароков замечает, что в основе общего спокойствия лежат «нравы»: «Законы бессильны искоренить зло, если оно кроется в сердце человека. Испорченное поколение вредит не только себе, но и может принести ненадежное в духовном плане потомство» [2, 107].

Читая вторую книгу путешествий П.И. Сумарокова, мы делаем вывод о том, что свободное время он посвящает не себе, не удовольствиям, не созерцанию красот полуострова, как это было в первом его травелоге, а напряженным раздумьям о том, как наладить в Крыму разного рода производство, что и где целесообразно построить, как именно осуществить освоение новых земель. Путешественник действительно не может быть назван двойником пастора Йорика, героя Л. Стерна. Его ум рационален, практичен, и даже отдельные всплески эмоций не мешают читателю воспринимать П.И. Сумарокова в качестве государственного человека, не просто размышлявшего о проблемах и перспективах экономического развития Крыма, но и сформулировавшего ряд положений по реализации планов преобразования полуострова.

Во время путешествия по Байдарской долине писатель останавливался в доме адмирала Николая Семеновича Мордвинова, который был не только основателем Черноморского флота, но с 1792 по 1799 год председателем Черноморского адмиралтейского правления, первым морским министром России, а также автором трудов по экономике, финансовой политике, сельскому хозяйству. Н.С. Мордвинов указывал, что первой задачей государственной власти было решение в Крыму земельного вопроса. Не доверяя местному мусульманскому населению, впрочем, как и крестьянам из глубинной России, адмирал связывал идею развития Крыма с иностранными переселенцами, чего нельзя сказать о П.И. Сумарокове. Уже в первой части «Досугов...» писатель обращал внимание на важность воспитания молодых людей не зарубежными, а русскими учителями, дабы те перенимали природный дух своей страны. То же он пишет и о крымчанах. У народов, населяющих полуостров, много прекрасных традиций, обычаев, которые могут быть испорчены иностранным влиянием, ибо «мода у европейцев простирается не только на одежду, обувь и обряды, влияет она и на добродетели людей, их пороки и нравы» [2, 107].

Объезжая земли Тавриды, писатель укреплялся в мысли о том, что на этой территории есть все для «блаженства». С сентиментальным пафосом П.И. Сумароков называет Крым «волшебным» краем [2, 243]: «Хочешь ли ты вкушать сладкое в душе чувство? Останься на Салгире. Хочешь ты развеселить себя необыкновенным зрелищем? Перейди в Байдары. Желает ли ты встретить великолепие? Явись в окрестности Ялты. Вздумал ли ты предаться мирному унынию? Побывай в Форосе». Наконец, страдаешь ли ты от любви или терпишь иную напасть, то усядься на бреге Черного моря, и рев волн рассеит мрачные твои мысли. Одним словом, это рай, и кажется, все тут тебе вешает: приди и умей блаженствовать» [2, 210]. Мы полагаем, что глагол повелительного наклонения используется писателем не случайно. В слове «умей» сочетаются разные значения, ведь уметь – это обладать некими навыками, знаниями, направляемыми на преобразование мира, жизни. Уметь – быть способным менять, реформировать, «сметь», улучшать для того, чтобы «блаженствовать». Такое сочетание слов еще раз подчеркивает рационалистический характер русского сентиментализма. «Умей блаженствовать» – это своего рода «жест», вестник сложных внутренних движений человека, соединяющий в себе созерцание и наставление.

1. Алексеев П.В. *Восток и восточный текст русской литературы первой полов XIX века: концептосфера русского ориентализма: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 2016.*

2. Сумароков П.И. *Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду / соч. Павла Сумарокова. СПб, 1803–1805.*

3. Фадеева Т.М. *Предисловие и комментарий // Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду Павла Сумарокова. Симферополь, 2022.*

4. Фарафонова О.А. *Ориентальный травелог Павла Сумарокова («Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду»). Научный диалог, 2017; (7): 70–82 // URL: https://www.nauka-dialog.ru/jour/article/view/492?locale=ru_RU (дата обращения: 10.08.24).*